

Гончарик А.А. *Понятие мифа и его применение в исследованиях политики* // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Ю.С.Пивоваров (гл. ред.) и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования. – С.79-87.

А.А. Гончарик

ПОНЯТИЕ МИФА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИКИ

Понятие мифа явно недооценивается политическими исследователями ввиду его идеологической окрашенности: в обыденном словоупотреблении это слово указывает на некую «выдуманную», «ложную» реальность. По-видимому, упрощенный взгляд на природу мифа не позволяет сделать релевантные выводы теоретического и прикладного характера.

В данной статье, рассматривая понятие «миф» в современных социогуманитарных и философских исследованиях, мы, во-первых, выявим и сопоставим различные трактовки этого понятия; во-вторых, очертим перспективы его использования в качестве инструмента изучения политики (на примере исследований идентичности).

Зачастую миф рассматривается в одном ряду с такими феноменами, как коллективная память, воспоминания, национальные чувства, символы, традиции, церемонии и ритуалы, что не позволяет выделить его специфические характеристики и дать содержательное определение.

В исследовании мифов можно выделить два этапа: если исследователи первой половины XX в. рассматривали данный феномен преимущественно как форму коллективных представлений и норм, то во второй половине началась разработка данного понятия в рамках собственно политической теории, интерпретирующей миф как результат идеологической и символической борьбы за смыслы и значения. Таким образом, расширилась сфера анализа: от мифа как культурного явления до понимания мифа как политического феномена. Объект изучения сместился от мифов традиционных и первобытных обществ к мифам современным, а предмет – от структуры мифа, его функций и динамики изменений до сущности понятия мифа, роли социального контекста, «производителей» и «потребителей» мифов, их функционирования в обществе. В содержательном плане на первом этапе миф рассматривается как целостная модель мира,

для которой характерна иррациональность и универсальность, наличие сакрального плана и жесткой структуры построения сюжета; на втором этапе миф трактуется как дифференцированное и противоречивое представление о мире, действующее в рамках определенного времени и пространства, преимущественно рациональное, выполняющее идеологические функции, с гибкой структурой рассказа.

В первой половине XX в. мифы изучали преимущественно антропологи, историки, социологи и культурологи. Эти исследователи (в частности, Эмиль Дюркгейм, Клод Леви-Стросс, Бронислав Малиновский, Джозеф Кэмпбелл) рассматривали миф как элемент подсознательного и психологической структуры общностей. Они подчеркивали, что миф является формой общественного сознания, характерной для различных этапов развития общества, и предлагали различные трактовки сущности и структуры мифологического мышления. Румынский философ и культуролог Мирча Элиаде, основные работы которого относятся к 1940-1960-м гг., отмечал, что «в современных европейских обществах наблюдается до сих пор интерес к этому «возврату» (*прим.* – то есть возврату к истокам)... иметь хорошие «истоки» и иметь благородное происхождение было почти равнозначным»¹. Во второй половине XX в. понятие «политический миф» все чаще стало использоваться применительно к современным обществам, в которых миф уже не связан с религией и традиционными верованиями.

Переходным этапом в развитии теорий, посвященных исследованию политического мифа, стали работы немецкого философа Эрнста Кассирера². Кассирер, еще не полностью отказавшись от доминирующей парадигмы, заложил основы для будущих исследований политики в сфере изучения мифов. В первой половине XX века политические философы, обращавшиеся к данной теме, рассматривали миф как культурный феномен, который приобретает политическое значение только в исключительных случаях, таких как политические кризисы и революции. В работах Кассирера 1930-х – начала 1940-х годов акцент сделан на изучение эффективности мифов в масштабном общественно-политическом процессе. Это ознаменовало переломный момент в развитии исследований мифа.

Если Жорж Сорель отмечал важность мифов как стимула веры для достижения политической цели³, то Кассирер, анализируя роль и воздействие нацистских механизмов манипулирования толпой в Германии, характеризовал этот феномен как инструмент легитимации власти лидеров и средство пропаганды: «Новые политические мифы не

¹ Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2000. – С.193-194.

² Главной из которых является эссе «Миф о государстве», написанное в годы Второй мировой войны – см.: Cassirer E. The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 1946.

³ См.: Sorel G. Reflections on violence / Transl. by T. Hulme, J. Roth. – N.Y.: Collier, 1961.

возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX в. – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты»⁴. Таким образом, рост технологического прогресса, изменение общественной структуры и международной обстановки послужили теми причинами, которые благодаря которым миф превратился в инструмент политики. Кассирер также подчеркивал символическую природу мифа, критикуя традиционные его трактовки за отсутствие внимания к трансформациям мышления и сознания.

Среди обстоятельств, актуализировавших изучение политического мифа во второй половине XX в. можно отметить следующие: во-первых, в социогуманитарных науках появился целый ряд новых теорий формирования наций и этнических идентичностей, которые в той или иной степени использовали понятие мифа. В результате этого возникло множество новых интерпретаций данного понятия, а соотнесение с «памятью», «временем», «сакральным» расширило набор его содержательных определений. Во-вторых, распространение новых средств мобилизации и коммуникации увеличивает возможности для манипуляции общественным сознанием при помощи мифов.

Интерес ученых к символическим аспектам политики, вызванный работами философов Сореля и Кассирера, привел к уточнению содержания понятия «миф». Исследователи второй половины XX в. (прежде всего политологи, политические философы, в меньшей степени культурологи) уходят от трактовки мифа как сакрального средства управления и от субъективности в его понимании. Для них особенно важной становится интерпретация политического мифа как способа восприятия, описания и объяснения событий, при этом они акцентируют внимание на идеологической и символической основе современных обществ.

В центре большинства современных интерпретаций понятия «политический миф» лежит процесс формирования и действия мифов. Американские политические психологи Мюррей Эйдельман и Лэнс Бенетт в 1960-1970-е гг., продолжая исследовательские традиции Гарольда Лассуэла в изучении коммуникации, подмечают особенность политических мифов как когнитивных карт, которые являются частью сознания и обеспечивают каждодневное восприятие событий и явлений и преобразования

⁴ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Политология: хрестоматия. – М.: Гардарики, 1990. – С. 580-581.

информации⁵. Французский структуралист Ролан Барт в 1970-е гг., для которого миф – это сообщение и коммуникативная система, делает акцент на знаковое воплощение мифов. По его словам, «материальные носители мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, какие-либо предметы и т.д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания, все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств»⁶.

В 1970-1980-х гг. некоторые исследователи (британец Генри Тюдор, американец Джеймс Робертсон) стали использовать в отношении понятия «миф» теоретическую конструкцию «рассказа-повествования»⁷, а американский психолог Майкл Макгир, пытаясь различить две формы системы верования, выражающихся в рассказах-текстах – миф и идеологию – выделяет разные функции этих двух понятий: если идеология теоретична, то миф ближе реальности. Если преобразование идеологий – это достаточно трудоемкий процесс, то мифы, как подмечает Макгир, являясь одной из составных частей символического окружения политических идей, поддаются более быстрой перестройке либо на благо, либо на вред общества⁸.

В 1990-е гг. и начале 2000-х гг. в политической науке появляется ряд работ, которые переосмысливают понятие мифа. В 1996 г. британский политолог Кристофер Флад, обобщив работы предшественников, предложил более гибкий подход к интерпретации данного понятия, учитывающий связь между идеологическим содержанием понятия и преимущественно повествовательной формой его выражения. Он определяет миф как «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах»⁹. Согласно интерпретации британского исследователя, политический миф находится на стыке идеологии и священного мифа, а «мифотворчество происходит на фоне сложных, меняющихся отношений между требованиями к цельности, солидности мифа, его

⁵ См.: Edelman M. Myths, metaphors and political conformity // *Psychiatry*. – N.Y., 1967. – Vol. 30, № 3. – P. 217-228; Bennett L.W. Myth, ritual, and political control // *J. of communication*. – N.Y., 1980. – Vol. 30, № 4. – P. 166-179.

⁶ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. – С. 73.

⁷ См.: Tudor H. *Political myth*. – L.: Pall Mall, 1972; Robertson J.O. *American myth, American reality*. – N.Y.: Hill and Wang, 1980.

⁸ См.: McGuire M. Ideology and myth as structurally different bases for political argumentation // *J. of the American Forensic Association*. – Columbia, Mo., 1987. – Vol. 24, № 1. – P. 16-26.

⁹ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 43.

идеологическому наполнению и его восприятию конкретной аудиторией в конкретном историческом контексте»¹⁰.

Итальянский политический философ Чиара Боттичи и французский политолог Бено Шаллан в 2006 г., раскрывая теоретико-практические аспекты изучения политического мифа, пытаются отойти от понимания этого феномена и его содержательных характеристик в категориях «правда-ложь». Они полагают, что подобная посылка принципиально неверна, ибо содержание мифа не подлежит эмпирической проверке. И в этом, в частности, по их мнению, ограниченность подхода Флада. Политический миф – это «не научная гипотеза, а скорее выражение решимости действовать»¹¹, это не объект, а непрерывный процесс, «работа над общим повествованием, которое обуславливает значение в политических условиях и переживаниях социальной группой»¹², это способ формирования повествования. Свою позицию они подтверждают анализом конструирования мифа о «столкновении цивилизаций» на примере противостояния Запада и ислама.

Боттичи и Шаллан выделяют три основных содержательных аспекта политического мифа – воспроизводство значения, распространение в определенной группе и обращение к особым политическим условиям существования этой социальной группы. Следуя кантовской логике, они указывают на три взаимодополняющих измерения политического мифа – познавательное («миф как фотообъектив»), практическое («миф как образ») и эстетически-эмоциональное («миф как драматическое представление»). Миф является своего рода реконструкцией уже имеющихся рассказов-повествований, а его постепенное сюжетное развитие происходит на основе постоянного обсуждения и поддержки в обществе. Как мы видим, эта концепция позволяет проанализировать, во-первых, процесс восприятия и познания мифов, а во-вторых, действия людей на основе потребности в мифах.

Широкие возможности для анализа мифов представляет социальный конструктивизм, ориентирующий исследователя на изучение того, как мифы конструируются и интерпретируются в разных социокультурных контекстах. Заключительной стадией закрепления мифов является легитимация. Питер Бергер и Томас Лукман отмечают, что «институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания. И не потому, что он кажется менее реальным... реальность социального мира приобретает свою массивность в процессе передачи ее

¹⁰ Там же. – С. 10.

¹¹ Bottici C., Challand B. Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy // European j. of social theory. – L., 2006. – Vol. 9, № 3. – P. 316.

¹² Ibid. – P. 320.

новым поколениям. Однако эта реальность является исторической и наследуется новым поколением скорее как традиция, чем как индивидуальная память»¹³. Мифы, обуславливающие признание окружающего политического мира (в первую очередь, институтов), передаются в группе/обществе в качестве «перманентных», но они «должны быть сильно и незабываемо запечатлены в сознании индивида. Поскольку человеческие существа зачастую ленивы и забывчивы должны существовать процедуры – если необходимо, принудительные и вообще малоприятные, – с помощью которых эти значения могут быть снова запечатлены в сознании и запомнены»¹⁴. Таким образом, конструктивистский подход позволяет акцентировать внимание на роли политических элит и лидеров, предлагающих мифы, которые, в свою очередь, являются инструментами мобилизации для группы или общества. С изменением структуры отношений и коммуникации изменяется роль конкретных мифов, причем самые наглядные примеры в этой области дают революции.

Британский исследователь Данкан Белл, опираясь на конструктивистскую парадигму, проводит разграничение «коллективной памяти» и «политического мифа» в контексте исследования национальной идентичности и вводит концепт «мифопанорамы» (mythscape). Мифопанорама для Белла – это «временно и пространственно протяженная дискурсивная область, в которой мифы нации постоянно выдумываются, передаются, обсуждаются и восстанавливаются»¹⁵. Белл характеризует миф как упрощенный, но насыщенный событиями рассказ о настоящем через реконструкцию прошлого. Коллективную же память Белл понимает как «плод индивидов (или группы индивидов), объединенных вместе, чтобы разделять воспоминания конкретных событий прошлого времени. Как таковую, память можно воплощать только посредством многочисленных действий воспоминания, общественных взаимодействий»¹⁶.

Реконструкция событий в исследованиях повествований мифов позволяет говорить о большом внимании к исторической и текстовой структуре этого феномена.

Логика рассмотрения «мифа» и «идентичности» в исследованиях, посвященных взаимодействию этих понятий, можно представить следующим образом: формирование идентичности – это процесс социального конструирования общности в результате воспроизведения мифов, а миф – разделяемый участниками принцип, на основе которого в ситуации изменяющихся условий происходит формирование новых групп и общностей.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 103.

¹⁴ Там же. – С. 116.

¹⁵ Bell D. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British j. of sociology. – L., 2003. – Vol. 54, № 1. – P. 63.

¹⁶ Ibid. – P. 65.

При этом введение понятия мифа в изучение формирования тех или иных идентичностей позволяет проанализировать роль элиты в этом процессе. Как отмечает британский исследователь Леонард Томпсон на примере манипулирования мифами в Южной Африке, политические мифы в процессе формирования идентичности являются основным стержнем всей идеологической программы африканеров по закреплению апартеида, отграничением одной общности (белых) от другой (черных)¹⁷.

Болгарская исследовательница Магдалена Елчинова рассматривает соперничество за конструирование смыслов идентичности на примере восточноевропейских народов, она понимает под мифами «инструменты различных националистических проектов и стратегий конструирования идентичности». Опираясь на концепцию этнической идентичности Фредерика Барта, она охватывает ряд мифов-повествований болгар, македонцев, албанцев, исторический контекст их функционирования на фоне мусульманского влияния Османской империи, а также их интерпретации, в частности, в связи с вопросами международного признания независимости Македонии¹⁸.

Одним из аспектов исследования идентичности стало рассмотрение мифа как фактора легитимации политических институтов. В частности, в процессе формирования национальной идентичности одни социальные группы навязывают другим мифы, в этом случае поиск символического закрепления мифов позволяет заострить внимание не только на вопросах их принятия, но и отторжения. Очень часто к изучению мифов обращаются исследователи стран «третьего мира», акцентируя внимание на роли политических элит в конструировании пространства и в интерпретации традиционной истории, а также на взаимовлиянии политических институтов разных обществ и систем. Например, Бенджамен Бучхольц рассматривает Лойя джиргу (представительный орган традиционной власти в Афганистане) в качестве интегрирующего мифа для формирования идентичности афганцев¹⁹.

Таким образом, функционирование политических мифов в виде представлений, образов, повествований, идей зависит от временно-пространственных рамок, а также их эффективности и востребованности для сообщества.

Сравнение различных интерпретаций мифа не представляется возможным ввиду разнообразия подходов к рассмотрению этого понятия. Однако в зависимости от поставленных задач, исследователь может выбирать между интерпретациями понятия

¹⁷ См.: Thompson L. The political mythology of apartheid. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1985.

¹⁸ См.: Elchinova M. Myth and redefining group boundaries in ethnic discourse (on the cases of Bulgaria and the Republic of Macedonia). – Mode of access: <http://www.nbu.bg/PUBLIC/IMAGES/File/departments/anthropology/publications/Myths&History.pdf>.

¹⁹ См.: Buchholz B. Thoughts on Afghanistan's Loya Jirga: A myth? – Mode of access: www.asienkunde.de/articles/A104_022_033.pdf.

«политический миф». На наш взгляд, «гибкие» подходы к мифам, которые были предложены Фладом, Боттичи, Шалланом, позволяют выявить эффективность мифов в конкретной политической ситуации, их приспособленность к изменениям, влияние на стабильность и непрерывность политического процесса. Если в условиях политической практики и манипулирования сознанием политический миф – это «форма» и необходимое средство политики, то в рамках научного анализа – это «стержень» и содержание политики. Он может представить явления в более глубокой и насыщенной форме, избежать понимания отдельных событий и процессов как заведомо определенных и несостоятельных.

Ключевые слова и аннотация:

А.А. Гончарик.

Понятие мифа и его применение в исследованиях политики

В статье рассматривается место концепций политического мифа в современных социогуманитарных и философских исследованиях. Автор выявляет и сопоставляет различные трактовки этого понятия и представляет перспективы использования понятия мифа в качестве инструмента исследования политики (на примере идентичности).

Ключевые слова: политический миф; повествование; социальный конструктивизм; идентичность.

A.A. Goncharik.

The concept of myth and its application in political studies

The article describes the place of the concept of political myth in modern socio-humanitarian and philosophical studies. The author reveals and compares various treatments of this concept and analyzes the perspectives of its use in political studies (for the case of identity).

Key words: political myth; narrative; social constructivism; identity.